

К истории формирования гражданского общества в России XVIII–XX веков

© 2011 г. Дж. БРЭДЛИ*

ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И САМОДЕРЖАВИЕ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

К началу XX в. Россия, неизвестная прежде как страна ассоциаций, имела по приблизительной оценке около 10 тыс. добровольных общественных организаций. Накануне Первой мировой войны в стране было самое большое в мире число кооперативов¹. Санкционированные правительством, ассоциации вошли в социальную жизнь необыкновенно быстро и отличались поразительным разнообразием миссий и проектов: от небольших благотворительных и сельскохозяйственных обществ в малых городах до клубов для отдыха и спорта в больших. Ассоциации были повсюду – в Санкт-Петербурге и Москве, в центрах национальных окраин, в губернских и даже в малых городах. Быстрый рост числа ассоциаций во второй половине XIX в. был вызван повсеместными социальными, экономическими и культурными изменениями.

Бюрократия стремилась строго контролировать общественную инициативу, но не могла этого делать вследствие своей малочисленности и быстро растущего количества ассоциаций, многие из которых она поощряла на первых порах их существования. Ассоциации позволили общественности организовать и взять инициативу в свои руки. Добровольные общества оказались в центре противоречивой политической жизни: с одной стороны, они способствовали партнерству между государством и обществом, с другой – стремились освободить общество от власти самодержавия и произвола бюрократии. Несмотря на поразительную активность ассоциаций, историки долгое время пренебрегали этой, на первый взгляд аномальной, особенностью российской политической культуры. Многие исследователи использовали материалы о деятельности обществ лишь для того, чтобы изучить другие сюжеты, например сельское хозяйство, имперское строительство, благотворительность, образование, здравоохранение, профессиональную структуру. Однако никто не исследовал добровольные ассоциации как целостное социальное явление, как ядро гражданского общества. Данная статья представляет собой попытку комплексно исследовать деятельность ассоциаций и их роль в развитии гражданского общества в позднеимперской России, а также показать взаимоотношения государственной власти с общественными организациями.

Изучение добровольных ассоциаций выдвигает на первый план отношения между обществом и государством в авторитарных режимах. Анализ этих отношений происходит в двух направлениях². Первое направление, под влиянием работы Ю. Хабермаса, исследует соперничество между обществом и государством. Общественная сфера гражданского общества, утверждал Хабермас, возникла во времена абсолютизма, в новых институтах рыночного капитализма, в практиках зарождающейся буржуазии, в новых формах городской коммуникации и культуре печатного слова. Ее «институциональное

* Бредли Джозеф, доктор исторических наук, профессор Университета Талсы (Оклахома, США).

Перевод с английского Б.Н. Миронова (Санкт-Петербург).

ядро составляли добровольные организации, находившиеся вне сферы государства и экономики», которые формулировали социальные проблемы, артикулировали групповые интересы, направляли общественное мнение на их реализацию и пытались влиять на политический процесс. Добиваясь от государства своей легитимизации в общественном мнении, добровольные организации действовали как противовес государственной власти, основанной на традиции, силе и ритуале, и позволяли гражданам осуществлять самоуправление³.

М. Джакоб утверждает, что зачатки гражданского общества следует искать в «новой сфере добровольных ассоциаций», которые «порывали с пассивностью подданного и стремились к активности гражданина, двигались от абсолютизма и олигархии в направлении представительских форм правления»⁴. Во Франции при старом режиме в литературной сфере практиковалось «взаимодействие равных», основанное на «модели дружбы, которая заметно контрастировала с иерархией, свойственной обществу приказов и абсолютистскому государству». В таком «виртуальном» собрании общественность могла воображать, что может контролировать действия чиновников, заставляя монархию, «бессильную запретить общественные дебаты», «объяснять, убеждать и стремиться получить общественное одобрение». После революции подобная пассивная политическая культура продолжала доминировать во французских ассоциациях вплоть до конца XIX в.⁵

В Германии и Австрии, где придерживались мнения, что частные люди и ассоциации не обладают ни правом, ни компетентностью обсуждать общественные дела, казалось бы, безобидные действия общественной организации приобретали политическое значение, и как будто аполитичные организации превращались в политизированные. К 1840-м гг. добровольные ассоциации – «организации развивающегося гражданского общества» – стали учебным полигоном для гражданских инициатив (договоренностей) в общественных делах; они заменяли народное представительство и стремились «упразднить государство как арбитра в вопросах общественного блага»⁶. Однако общественная сфера потребовала определенной степени гласности, чтобы размышлять относительно «тайных и произвольных действий государства», так же как и свободы слова, прессы и собраний, чтобы гарантировать доступ на общественную арену. Поэтому ее существование всюду оспаривалось, особенно за пределами небольшого числа государств в Западной Европе и Северной Америке. Патерналистские авторитарные режимы, казалось, не оставляли никакой надежды на развитие гражданского общества⁷. Однако недавнее исследование Ф. Норда сосредоточивается «не столько на структурах, сколько на общественном движении, на его динамике, посредством которого демократические учреждения вырастали на, казалось, непригодной почве авторитарного режима»⁸.

Второе направление в изучении добровольных ассоциаций устанавливает наличие амбивалентных отношений между гражданским обществом и государством и ставит вопрос о том, при какой степени противоречивости этих отношений общество идет на свержение абсолютизма. На европейском континенте монархи невольно способствовали развитию гражданского общества, когда поощряли и покровительствовали научной, благотворительной и культурной деятельности своих подданных. При этом они не имели в виду стимулирование самодеятельной общественной активности, а стремились содействовать национальному развитию и продемонстрировать перед всем миром, что они осуществляют «просвещенное» правление⁹. Во Франции гражданское общество и государство существовали переплетенными в «двойной спирали» взаимозависимости, и в XIX в. государство терпимо относилось к деятельности бесчисленных ассоциаций, некоторые из них находились в состоянии юридической неопределенности¹⁰. Сказанное было особенно характерно для Германии, где ассоциации, так же как другие элементы гражданского общества, стремились помогать, дополнять и давать рекомендации государству с целью развития знания и усовершенствования естественного и человеческого мира ради общественной пользы. «Даже наиболее радикальные либералы испытывали отвращение к конфликту между государством и гражданским обществом и искали не столько автономии последнего от государства, сколько согласованного

сотрудничества между ними... Гармония, а не конкурентные отношения между государственным и гражданским обществом, считалась нормой». Хотя ассоциации и сотрудничали с государством во многих предприятиях, реально «их деятельность уменьшала сферу действия правительства, расширяя право гражданского общества определять и решать собственные проблемы»¹¹.

Можно сказать, что гражданское общество является необходимым, но не достаточным условием для существования либеральной демократии; во всяком случае, немало различных политических режимов признавали его, если не де-юре, то де-факто, но всегда отказывали ему в полной автономии¹². Гражданское общество и его институты не гарантируют будущее, лишённое политических травм: развитие гражданского общества во Франции не предотвратило террор, а в Германии – нацизм и холокост.

В настоящее время принято думать, что гендерные исследования способны дать понимание того, каким образом люди, не имевшие избирательных прав, могли принимать участие в общественной жизни через добровольные ассоциации. Теоретики и историки зарегистрировали исключение женщин из сферы общественной мысли и гражданских отношений, лишение их права на собственность и автономию, особенно в республиканской Франции¹³. Более интригующим предметом исследования являются пути, посредством которых в условиях существования самодержавного режима и, несмотря на запретительные законы и практики, женщины фактически входили в общественную сферу¹⁴. Актуальной проблемой в историографии является конструирование гражданства. Признавая наличие дискриминационных практик и трудностей, с которыми женщины сталкивались при попытках войти в сферу социальной жизни, некоторые ученые отмечают, что женщины, «исключенные из институтов власти», обнаружили, что добровольные ассоциации «мобилизуют людей на коллективные действия». Таким образом, люди, лишённые гражданских прав, могли появляться на публике, представлять себя и свои проекты перед равными себе, создавать общественное мнение, организовывать собрания и требовать отчетности от властей; они могли даже претендовать на право представлять других¹⁵. Как показали недавние исследования, мужчины, находившиеся вне правящей элиты, также использовали подобные стратегии для того, чтобы выйти на общественную арену. В научных, философских и литературных обществах, основанных на принципе «взаимодействия равных», люди одинаковых интересов и обязательств практиковали корпоративность, коллегиальность и товарищество. Люди основывали добровольные ассоциации, чтобы получать удовольствие от общения с равными, заниматься наукой, быть проводниками культуры и таким способом стать «публичным существом». Добровольные ассоциации, особенно научные, позволяли проявить свои способности и добиться общественного признания. Членство в ассоциациях приносило «доверие, которое позволяло претендовать на политическое лидерство (представительство) и власть». С точки зрения перспективы получения власти, «активные участники добровольных обществ были преимущественно мужчинами... По мере того, как ассоциаций становилось больше и их влияние увеличивалось, их члены становились гражданским обществом и именно так себя и представляли»¹⁶.

Историки и социальные теоретики долгое время исходили из того, что между учреждениями гражданского общества и средним классом существует сильная связь. В уважаемом социологическом труде Хабермаса рыночный капитализм и буржуазия рассматриваются как необходимые предпосылки развития гражданского общества и публичной сферы¹⁷. Однако в современной европейской историографии ведущая роль среднего класса в развитии гражданского общества, долгое время не подвергавшаяся сомнению, была поставлена под вопрос. Современные исследования, посвященные развитию гражданского общества в отдельных странах, изображают буржуазию фрагментированной, «запутанной в противоречиях и разъединенной», что не позволяет определить, чья идентичность была сформирована в институтах гражданского общества, таких как добровольные ассоциации¹⁸. Действительно, в авторитарных режимах с фрагментарной социальной структурой и небольшим по численности средним классом, именно добровольные ассоциации позволили сформулировать и реализовать

проекты в сфере благотворительности, культурного просвещения и социальных реформ, направленных на демократизацию обучения, и, благодаря этому, сформировать образованных граждан. Ассоциации также поставили науку на службу общественному благу, направили усилия ученых на решение широкого круга практических вопросов – от экономических проблем до социальных патологий¹⁹. Вслед за Ф. Трентманном мы можем констатировать, что гражданское общество и добровольные ассоциации должны быть отделены от своей «социальной базы», т.е. от буржуазии. Иерархия ценностей в гражданском обществе на самом деле была артикулирована не буржуазией, как принято думать, а либеральными землевладельцами, профессионалами и правительственными чиновниками через добровольные ассоциации. В современной науке культура имеет большее значение, чем капитал, а социальная идентичность больше, чем доход; ключевые маркеры гражданского общества – это не класс, а образование, урбанизация и способность к восприятию и пониманию²⁰.

Появление в XVIII в. научных обществ показывает, как взаимодействовали эти ключевые маркеры, и обнаруживает, что отношения между культурными учреждениями, государством и человеком очень сложны и что значение ассоциаций, особенно в абсолютистских режимах, велико. Бесстрастную, автономную, объективную науку, стоящую выше (или рядом) групповых интересов, страстей и политики, и которая провозгласила своими принципами нейтральность и беспристрастность в служении человечеству, назвали «героической» наукой²¹. Экспериментальная наука, выступавшая в «воображаемой публичной сфере» как альтернативная система ценностей, обладала «освободительным потенциалом», особенно в абсолютистских режимах²². Некоторые историки, прежде всего М.С. Джакоб, утверждают, что наука эпохи Просвещения была «самым мощным оружием» интеллектуалов, которые хотели переместить власть в центры, далекие от династии, Церкви и государства. Поскольку научные общества функционировали как добровольные частные самоуправляющиеся «ученые собрания», неустанно твердившие о необходимости взаимопомощи и сотрудничества ради достижения общих и самостоятельно провозглашенных целей, то даже на первый взгляд аполитичные научные общества попали под наблюдение континентальных властей, которые совершенно справедливо боялись, что такие ассоциации неизбежно будут вовлечены в общественные дела²³. Научные общества, несмотря на малочисленность и узость состава, расширили свою деятельность, позволив ученым использовать научные знания в патриотических целях: изучать общество, создавать и распространять знания и изменять природу и внутренний мир человека²⁴. «Появление в начале XVIII в. и в последующем многочисленных организаций, кружков и обществ, – утверждает Р. ван Дюльман, – обеспечило общество принципиально важными центрами деятельности и форумом для прогрессивного и реформистского дискурса»²⁵. Научные общества находились в центре деятельности, ставившей целью посчитать, классифицировать, зафиксировать, распространить знания, исследовать широкий круг социальных патологий, участвовать во множестве реформистских движений, особенно во второй половине XIX столетия. Таким образом, например, надеялись, что бедные могли быть изучены и перемещены из царства природы, где они находились, в гражданское общество²⁶.

Сказанное касается лишь небольшого круга проблем, затронутых в национальных историографиях гражданского общества. Но для историка, стремящегося понять динамику гражданского общества в абсолютистских государствах, дискурс наводит на ряд предположений. Во-первых, отношения между гражданским обществом и государством являются двойственными. Автономия первого является относительной, так как государство в любой момент может ввести ограничения на действия гражданского общества в публичной сфере. Сотрудничество и взаимопомощь, с одной стороны, и конфронтация – с другой, с одинаковой вероятностью определяют отношения между ними; при этом более вероятно, что гражданское общество будет успешнее расширяться тогда, когда не участвует в политических действиях, которые бросают вызов абсолютизму. Во-вторых, институциональное ядро гражданского общества, составлен-

ное из добровольных ассоциаций, часто предшествует конституциям и национальным представительным органам власти. В-третьих, ассоциации предлагают обществу новые формы общежития и самоопределения, и даже в самодержавных государствах многие ассоциации в состоянии сформулировать коллективные цели посредством множества «несбыточных» филантропических, культурно-просветительных и научных проектов. В-четвертых, так как ценности и практики, обычно приписываемые буржуазии, часто присущи и другим социальным группам, выдвигать подобные социальные проекты может любая из них. Вследствие этого появление гражданского общества не обязательно требует существования многочисленной и влиятельной «экономической» буржуазии. Наконец, знание факторов, которые способствуют возникновению гражданского общества, может помочь понять значение общественного участия в этом процессе в таких авторитарных государствах, как Россия, где не только женщины (или рабочие), но и *все* группы были лишены гражданских прав.

Термин «гражданское общество» вошел в современную историографию, но он не используется при анализе общественных отношений. Понятие не принимается в расчет не только при описании российской действительности, но и как категория анализа по той причине, что институциональные гарантии гражданского общества, канонизированные в западной политической мысли – свобода от личной зависимости и произвола власти, неприкосновенность человека и его жилища, право собственности и нерушимость контракта, верховенство закона и та или иная форма парламента или сословного представительства – действительно не были свойственны царскому режиму. Это верно и в отношении того, что называется экономическими и социальными гарантиями – коммерческих городских центров и сильного среднего класса. Россия обычно рассматривается как незападная и полуазиатская страна, хотя происхождение ее социально-политических особенностей является спорным. Один из современных историков России объясняет сохраняющуюся привлекательность коммунистов и националистов у населения постсоветской России тем, что они обращаются к «культурным силам, которые касаются сущности русского народа. В предреволюционной России общественное понимание было в основе своей традиционным и мифологическим. Преобладало иррациональное – причудливая смесь языческих и христианских представлений, символов и идеалов. Люди жили и действовали, руководствуясь не разумом, а суеверием... Россия не избежала тоталитаризма ни до, ни после 1917 г., потому что у нее никогда не было гражданского общества. Государство монополизировало любую деятельность, и вне его всеохватывающей власти не существовало какой-либо формы автономии общества... Всемогущее государство означает, что подданные лишены инициативы»²⁷.

Принято думать, что в «двойной спирали» российской политической культуры имперского периода атрофия общества была переплетена с гипертрофией государства. Юридическая, или государственная, школа в российской историографии XIX в., испытавшая влияние Гегеля, и популярная у последующих поколений историков, считала государство всемогущим творцом российской нации. Не вызванное к жизни «общественным договором», государство действует, является субъектом, в то время как политически незрелое, пассивное и фрагментарное общество выступает в качестве объекта его деятельности. Самодержавие и бюрократический аппарат держали общество фрагментированным, препятствуя «формированию корпораций, или сословий, обладающих определенными правами и привилегиями и способных оспорить власть царя и его правительства»²⁸. В начале XIX в., когда в России появились идеи конституционализма и ответственного перед обществом правительства, им энергично противостояло самодержавие, и вскоре их совершенно затмил радикализм. Сильное государство и слабое общество сделали «всю политическую систему исключительно уязвимой для революционного действия», и таким образом анализ самодержавной политической культуры превращается в объяснение российской революции. Согласно одному объяснению происхождения российской революции, в попытках усилить свою власть самодержавие «разрушило или нанесло вред всем неправительственным учреждениям... как бесполезным или даже враждебным его целям. Не осталось места

для спонтанной неправительственной общественной деятельности, которая бы служила посредником между самодержавием и анархией»²⁹. Социальные историки уделили некоторое внимание социальным силам, не связанным с государством и бюрократическим аппаратом, и зафиксировали развитие народной общественной активности. Но в конце концов большинство социальных историков присоединилось к хору традиционных политических историков, утверждавших, что российское общество было фрагментарным и не способным к самоорганизации, необходимой для противостояния, как царскому левиафану, так и острой классовой борьбе, которая обеспечила «социальную базу» революции в ее самой крайней форме³⁰. Правда, иногда историки признают, что к концу царствования Екатерины II «проект гражданского общества в России был готов», а к концу царствования Александра I «развитие гражданского общества оказалось необратимым»³¹. Однако гораздо чаще утверждается, что лишь на рубеже XX в. в России возникло гражданское общество «достаточно многочисленное и независимое, чтобы бросить вызов монополии режима на политическую власть». Но столь запоздалое гражданское общество едва ли представляет собой адекватную категорию для анализа: его появление слишком часто связывается с национальными бедствиями, такими как голод 1891–1892 гг. или революция 1905 г., а его сущность сводится к оппозиции царизму. Подобный подход создает серьезные препятствия для изучения гражданского общества как важного явления общественной жизни³².

Несмотря на ошибочность заключения об отсутствии ассоциаций и независимой общественности, доминирующая интерпретация российской политической культуры содержит бесспорную истину. Оспариваемое самодержавным государством самое существование добровольных ассоциаций и их деятельности, не говоря уже о гражданском обществе и независимой общественной сфере, не может считаться само собой разумеющимся в царской России, т.е. не может быть признано без доказательств. Несомненно, самодержавие не имело «никаких эффективных политических ограничений», и никто не мог предположить, что либеральная демократия одержит победу в 1917 г.³³ Сущность российской истории позднеимперской России в традиционной трактовке состоит в кризисах, недостатках, слабостях, фрагментации, хрупкости, отсталости, потерянных возможностях, трагедии, а история общественного движения представляется неудачной, эмбриональной, «пропущенной», «примитивной», «аморфной», противоречивой. Историки различных историографических школ и политических ориентаций находятся в удивительном согласии относительно того, что история позднеимперской России – это в принципе история того, что *не* произошло.

В мои намерения не входит опровержение свидетельств о репрессивности государства или утверждение, что в имперской России существовало сильное и стабильное гражданское общество, еще менее, что оно было способно установить формальные пределы политической власти императора или защитить себя в грамшианском стиле*. Скорее я предлагаю перемещение акцента с того, что *не случилось* на то, что *произошло*. Игнорируя развитие гражданского общества, большинство из указанных точек зрения создают ничем не оправданное ощущение исторической предрешенности и хоронят при этом все прочие аспекты российского прошлого под самодержавной сущностью режима, тем самым препятствуя составлению адекватной картины российской общественной жизни XIX столетия.

Хотя всесильное и репрессивное государство, непримиримые радикалы и подданные, не защищенные гражданскими правами, доминировали на политическом ландшафте позднеимперской России, тем не менее в больших российских городах появилась и живая нереволюционная гражданская жизнь. Экономический рост, социальная мобильность, урбанизация, достижения в образовании, вызванные реформами 1860-х гг., способствовали развитию добровольных ассоциаций, которые служили посредником

* А. Грамши уподоблял гражданское общество траншейной системе, способной защитить себя, а если понадобится, и государство во время войны или экономического кризиса (*примеч. переводчика*).

между человеком и государством. Новые профессиональные, предпринимательские и художественные элиты стремились создавать новые общественные идентичности. Служба государству или призрачное служение «народному благу» больше не определяли понятие общественного долга. Кроме того, есть признаки того, что российская историография поворачивается от «декленионизма», т.е. исследования упадка и кризиса царской России, неизбежно ведущего к революции³⁴. Вместо того, чтобы искать «социальное основание» для постоянных конфликтов между государством и обществом, историки теперь скорее склоняются к тому, чтобы изучать альтернативные пути, имеющие целью постепенное развитие и реформирование, и попытаться объяснить, что удерживало царскую Россию в целостности, а не то, что разорвало ее на части. Изучение российского масонства, земского и муниципального самоуправления, благотворительности, деятельности либеральных профессоров, профессионализации, прессы и народного чтения, среди прочего, помогает глубже понять, как функционировала российская политическая культура при существовавших ограничениях и возможностях³⁵. Если сосредоточиваться на авторитаризме политической культуры, придется подчеркивать различия между Россией и Западом и неизбежность русской революции. Если же попробовать войти на менее исследуемую территорию развивавшегося в России гражданского общества, то можно обнаружить существенно другую картину. Одна ее особенность – доброжелательный и одновременно внимательный контроль самодержавия за добровольными обществами. Исследование добровольных ассоциаций покажет не только ограничения, но и возможности для общественного движения; а также то, как усилила общество компетенцию государству в достижении прогресса приводили к попыткам ограничить компетенцию государственной власти. Вместо того, чтобы объяснять, каким должно быть либерально-демократическое гражданское общество, которым Россия не стала, я попытаюсь предложить способы понять то гражданское общество, которое в ней действительно существовало³⁶.

Из всех элементов, которые составляли и помогали развитию гражданского общества в России – книжное дело, пресса, университеты, городские думы и земства, суды, экономический рост и диверсификация экономики, урбанизация, профессионализация, либеральное движение – наименее изученными являлись добровольные ассоциации³⁷. Их быстрый рост и всеобщее распространение к концу XIX в., конечно, свидетельствуют об их важной роли в общественной жизни и показывают, что традиционная историография их игнорировала. В то же самое время обилие сведений об их деятельности усложняет любую попытку анализа последней. Я ограничусь исследованием петербургских и московских добровольных ассоциаций, главным образом, научного направления. Благодаря их продолжительному существованию, наличию формальных и юридически оформленных отношений с властью, высокому социальному статусу и важности их социальной миссии, изучение научных обществ позволяет понять наиболее важные проблемы деятельности добровольных ассоциаций в условиях самодержавия и восстановить социальные, интеллектуальные и институциональные рамки, в которых они действовали³⁸. Я покажу их вклад в 3 широкие сферы общественной жизни – использование науки при исследовании природных и человеческих ресурсов; сохранение и пропаганду национального наследия; реформаторские движения. Выбор этих сфер определяется тремя соображениями. Во-первых, у каждой из этих сфер есть аналог в Европе и Северной Америке, поскольку они являлись необходимыми спутниками общественной жизни в эпоху после XVIII в. Во-вторых, в каждой сфере какая-нибудь одна выдающаяся ассоциация или несколько ассоциаций могут быть идентифицированы как типичные. В третьих, типичные ассоциации охватывают продолжительный хронологический период – с конца XVIII до конца XIX в. Исследование выбранных российских ассоциаций даст возможность оценить вклад добровольных объединений в развитие гражданского общества в России.

Усовершенствование и прогресс посредством приложения достижений науки к исследованию производительных природных и человеческих ресурсов являлось одной из важнейших целей Просвещения. Приложение науки к сельскому хозяйству, например,

могло бы усовершенствовать природу, сделав ее более производительной. Чтобы достигнуть этой цели, во второй четверти XVIII в. монархи и частные лица основывали сельскохозяйственные общества в Великобритании, Франции, немецких государствах и Швейцарии³⁹. Общества спонсировали конкурсы сочинений по усовершенствованию сельского хозяйства и присуждали призы, чтобы поощрить внедрение новшеств, создавали сети членов-корреспондентов, финансировали и обеспечивали кадрами научные экспедиции, издавали журналы и трактаты, поддерживали ботанические сады, обсерватории и другие научные учреждения, делали статистические обзоры и проводили картографические работы. Такие проекты создавали и распространяли общественное знание, мобилизовывали добровольцев в научные и «патриотические» предприятия и придавали смысл «участию в культуре изучения»⁴⁰. Россия не осталась в стороне от этого движения. В 1750–1760-х гг. несколько правительственных чиновников, например, Н. Панин, попытались соединить стремление к более эффективной и гуманной экономической и политической системе с усовершенствованием российского сельского хозяйства и ограничением крепостничества. Одновременно ряд землевладельцев стали «просвещенными господами» и искали новые способы управления помещьем. Хотя истинные намерения Екатерины II долгое время являлись предметом дискуссии, можно предположить, что императрица хотела «смягчить зло крепостничества, не пробуждая чрезмерных ожиданий среди крепостных или враждебности среди дворян», создавая «общественное мнение, которое бы стимулировало дворян согласиться на реформы, улучшающие жизнь крепостных». Полагали, что учреждение, специально созданное для изучения сельского хозяйства, будет наилучшим образом способствовать возникновению такого «общественного мнения». Так в 1765 г. в России возникла первая добровольная ассоциация – Вольное экономическое общество (ВЭО)⁴¹. Хорошо известно, что оно хотя и формально независимое от правительства, получило значительную материальную и моральную поддержку от императрицы. Екатерина оказывала ВЭО особое покровительство и позволила ему использовать императорский герб и ее собственную эмблему – пчелиный улей, на котором было написано «Полезное», с пчелами, вьющимися вокруг него⁴².

За время своего 150-летнего существования ВЭО управлялось уставом, составленным самим обществом и одобренным правительством. В дополнение к заявлениям о целях и прерогативах ВЭО и к принципам, на основании которых оно управляло собственными делами, устав предоставил его членам определенные права и привилегии. В самодержавной стране устав функционировал как микроконституция, написанная на языке представительства, которое придало жизни ВЭО независимость от власти и специальное значение. Несмотря на неизбежно близкие отношения с правительством, ВЭО было основано на принципах самоуправления и добровольной ассоциации его членов; оно действовало как собрание частных лиц. Так как его устав стал образцом для уставов других ассоциаций и так как российская бюрократия позже угрожала посягнуть на дарованные права и привилегии и, если не аннулировать, то хотя бы ограничить эту микроконституцию, будет уместным остановиться на тех его особенностях, которые наиболее ревниво защищались членами ВЭО⁴³. Во-первых, составители устава определили его цели, средства их достижения, правила и инструкции ведения дел. Отсюда название общества «вольное», т.е. независимое, обладающее собственной волей. Разумеется, устав должен был быть одобрен правительством, и нет сомнения, что его положение были ограничены пониманием того, что было в тех условиях приемлемым. Однако, составляя свой устав, ВЭО тем самым участвовало в процессе самоопределения. Во-вторых, членство было полностью добровольным. ВЭО обладало властью выбирать его членов и таким образом создавать отношения доверия, взаимного уважения и сотрудничества в достижении общих целей. В-третьих, общество создало собственную структуру власти. Самые важные решения, касавшиеся ВЭО, принимались на общем собрании. Последнее тайным голосованием выбирало руководство – совет, результаты выборов не подлежали утверждению властями. Совет состоял из президента, вице-президента, секретаря, казначея и председателей отделений и комитетов,

планировавших действия общества и повестку дня для общих собраний. В-четвертых, ВЭО действовало независимо от официальных ведомств, руководствуясь собственными правилами и инструкциями и законодательством страны; его деятельность, включая ассигнования на различные нужды, не нуждалась в санкционировании со стороны правительства. Например, оно могло создавать по своему усмотрению специальные комитеты и комиссии; его отделы и комитеты обладали значительной автономией в установлении собственных планов действий. В-пятых, ВЭО имело привилегии относительно цензуры. Подобно Академии наук и университетам, ВЭО и другим научным ассоциациям было предоставлено право собственной цензуры на свои публикации и привилегия на импорт иностранных книг и журналов без цензуры и беспошлинно. С 1862 г. все научные общества были освобождены от предварительной цензуры. Наконец, все эти привилегии придали деятельности ВЭО публичность, что составляет принципиальную особенность общественной сферы⁴⁴.

Подобно научным, сельскохозяйственным и патриотическим обществам Европы того времени, главная цель ВЭО состояла в развитии и распространении полезного знания⁴⁵. Во-первых, ВЭО собирало, переводило и распространяло зарубежные достижения в сельском хозяйстве и искусстве. Во-вторых, оно пыталось создать институциональную структуру, которая бы стимулировала общественный интерес и способствовала внедрению таких новшеств в российскую действительность. Члены ВЭО должны были сами проводить эксперименты, проверять нововведения и оценивать результаты экспериментов, представляемых обществу от лиц, не состоявших его членами. Такой важный элемент общественной сферы, как конкурс сочинений на заданную тему, способствовал развитию знаний и практических предложений по решению актуальных проблем. В-третьих, ВЭО должно было наглядно пропагандировать российские и зарубежные достижения посредством выставок, лекций, создания коллекций и музеев. Наконец, общество стремилось собирать информацию о местных экономических нуждах, касающихся, прежде всего, сельского хозяйства⁴⁶. В качестве составной части последнего проекта ВЭО поддерживало отношения с аналогичными российскими и зарубежными организациями, обмениваясь печатной продукцией и публикуя отчеты о деятельности других сельскохозяйственных обществ и позже земств. Несмотря на трудности, эта деятельность ВЭО вызвала среди части помещиков значительный энтузиазм, который зафиксировал в своих записках известный помещик и рационализатор XVIII в. А. Т. Болотов: «И мое удовлетворение выросло еще больше, когда я видел, что следуя иностранным образцам, все помещики, живущие в губернии, приглашались сообщать о своих хозяйственных наблюдениях обществу, наряду с другими людьми всех чинов, и чтобы способствовать этому, 65 вопросов были приложены в конце этой книги»⁴⁷.

В задачу настоящей статьи не входит исследование бесчисленных проектов ВЭО. Более того, следует напомнить, что историки подвергли сомнению стабильность его членского состава и эффективность деятельности, которая, конечно, не привела к преобразованиям российского сельского хозяйства⁴⁸. Однако значение ВЭО состоит менее всего в результатах его деятельности в сфере сельского хозяйства. Связи ВЭО с правительством установили такую модель для двусторонних и даже для взаимовыгодных отношений между добровольными ассоциациями и государством, которая преобладала до конца XIX в. ВЭО имело высочайшее покровительство, принятые в его состав члены царской семьи финансировали содержание его канцелярии; общество получало то, что мы могли бы назвать сегодня правительственными грантами; в ответ на ходатайства перед правительственными учреждениями ВЭО получало исключительные привилегии, такие, например, как бесплатная почтовая пересылка. К ВЭО, как и к другим добровольным ассоциациям XIX в., правительство обращалось с просьбой помочь в исследовании множества проблем и в проведении его политики. Таким способом «патриотическое общество для поддержки сельского хозяйства и экономики в России» выполняло свой патриотический долг. В этом пункте цели добровольных ассоциаций и государства совпадали. Хотя потребность в тесном взаимодействии с правительством

без сомнения ограничивала автономию ВЭО, вплоть до 1890-х гг. мы имеем мало свидетельств, что правительство систематически ставило под угрозу принцип добровольного членства, внутренней целостности или самоуправления. Являясь первым общественным форумом для обсуждения и распространения взглядов на экономическую политику, ВЭО заронило семена взаимоуважительного общественного диалога и положило начало процессу, посредством которого независимая общественная инициатива была санкционирована самодержавием⁴⁹. Рожденная в век «просвещенного абсолютизма», эта инициатива продолжалась даже в эпоху консервативного Николая I.

Очарованность прошлым, порожденная патриотизмом, любовью к старине и истории, распространялась по всей Европе в XVIII и XIX вв. Монархи, как и подданные, собирали предметы старины и антиквариат, основывали музеи и общества. Историзм, происходивший из Германии, дал философское обоснование изучению обычаев и образа жизни различных этнических и социальных групп людей. Коллекционирование и выставки поощряли людей искать и фиксировать местные обычаи и верования, «быстро исчезающие образы жизни». Изучение прошлого нации стало формой патриотического общественного служения, которое формировало чувство национальной идентичности и гордости⁵⁰. Хотя эта навязчивая идея национального наследия часто изображалась как тоска по идеализированному прошлому или как направленный против современности эстетический ретритизм, на самом деле изучение истории отразило принятие идеи прогресса и подтверждало различие между прошлым и настоящим. Средством, мобилизующим людей на исследование прошлого и национальных особенностей, и послужила добровольная ассоциация, часто, особенно на континенте, соединенная с правительственным учреждением, комиссией или академией⁵¹. Как хорошо известно, в первой половине XIX в. образованные русские были одержимы идеей национального своеобразия. В своих усилиях подчеркнуть различие между Россией и Западом русские отплатили последнему самым высшим комплиментом – подражанием ему. Растущий академический и общественный интерес к русской культуре проявился в 1845 г. в основании Императорского русского географического общества (РГО). Новая добровольная организация основывалась на уставе, который санкционировал независимость в деятельности, внутренней организации, выборе членов и руководителей⁵².

В последние годы правления Николая I такая автономия РГО не имела твердых гарантий, и первый вице-президент общества Ф.П. Литке, адмирал, ученый-исследователь, смотрел на РГО как капитан смотрит на корабль, который необходимо провести безопасным курсом, по возможности избегая всевозможных бедствий. Хотя Литке высказывал сожаление по поводу острых внутренних споров относительно целей РГО и организационных проблем, дискуссия среди членов общества продолжалась открыто и без всяких попыток со стороны правительства вмешаться в нее и продиктовать желаемое решение⁵³. Действительно, государство содействовало новому обществу, имевшему целью изучать и служить нации; оно принимало разнообразные меры, направленные на поддержание русской науки и способствующие расширению империи и развитию национальной интеграции. Подобно европейским научным обществам того времени, РГО способствовало научным исследованиям, объединяло ученых и реформистски настроенных чиновников в деле изучения социально-экономических проблем. Его отделения «сделались теми лабораториями, в которых происходил обмен мыслей, возбуждался почин полезных общественных предприятий в пользу науки, обсуждались способы достижения предположенных целей, оценивались уже совершенные труды, впоследствии с целью присуждения за них наград общества, разрабатывались и обнародовались полученные предпринимаемыми исследованиями результаты»⁵⁴. Эта деятельность создавала эмпирическую базу данных, развивала практику анкетных исследований, объединяла и координировала усилия частных лиц по собиранию географической информации и распространяла ее в публикациях РГО⁵⁵. Требуя большого количества исследователей вне столицы, анкетные опросы, например, обеспечивали постоянный приток «важных и любопытных наблюдений» о различных местностях в штаб-квартиру общества в Петербурге. В докладе к 25-летию юбилею РГО утвержда-

ется, что общество сообщало «порядок тому постоянному усилию свободно перемещающихся сил, чей неиссякаемый поток направлялся к обществу извне, изменяющихся в своем составе и разнообразных в своих комбинациях, дифференцируя и направляя их работу в соответствии с общими целями Географического Общества»⁵⁶. Общество выступало в качестве учебного полигона для работы не только общественности, но и правительства, так как почти все правительственные реформаторы 1850–1860-х гг. были его членами.

В желании распространить в России любовь к географии, этнографии и статистике реализовывалась не только просветительская миссия РГО. В 1840-х гг. общество находилось в центре поисков национальной идентичности и являлось лидером того направления в науке, которое давало приоритет исследованиям русского народа⁵⁷. Основание РГО, и особенно проекты его Этнографического отделения, знаменовали рождение институционализованного изучения русской культуры. Как и западноевропейские этнографы, учредители РГО считали необходимым «сохранить для будущего в верных описаниях особенности народного быта, прежде, нежели это будет поздно»⁵⁸. В 1847 г. Этнографическое отделение РГО тщательно разработало программу эмпирического исследования и разослало ее по всей стране в количестве 7 тыс. экземпляров с просьбой ответить на поставленные в ней вопросы. В поразительно меткой метафоре П.П. Семенов-Тянь-Шанский, известный ученый и секретарь РГО, заметил, что «русский простолудин удержал во всех местных особенностях своего крестьянского быта как бы под пеплом постигавших его исторических погромов и свои предания глубокой старины, и свой народный характер»⁵⁹. Взывая к духу сообщества в прошлом, РГО провозгласило, что наука утверждает смысл его существования в настоящем. Очерки по истории РГО, написанные по случаю юбилея, отразили оптимистичное отношение его членов к сообществу, добровольно организованному: «С самого начала общество не было закрытым кружком ученых специалистов, которые собрались для того, чтобы обменяться мыслями и сообщить друг другу о результатах их исследования. Оно открыло дверь всем, кто интересовался изучением России, и призвало все доступные и разнообразные силы к самостоятельности, направленной к этому изучению». Среди его членов, от представителя царствующей династии до самого скромного провинциального географа, общество породило то желание изучать национальные производительные силы и способствовать благосостоянию народа и «те духовные узы, которые объединяют нас всех вместе в любви к нашей родине»⁶⁰. Сообщество, связанное изучением Отечества, скоро превратилось в сообщество, связанное желанием обучить и преобразовать его.

Добровольные общества были существенными элементами во всех движениях за реформы и цивилизованное руководство в Европе и Америке XIX в. В то же самое время ассоциации и деятельность, которую они спонсировали, были важны для формирования идентичности среднего класса, для развития культурных устремлений, способности воспринимать и понимать и для укрепления системы ценностей⁶¹. Особенно важными (в рамках моего исследования) представляются усилия обществ, направленные на развитие образования, разнообразных форм рационального досуга, стремления к самоусовершенствованию и положительному знанию, на вовлечение общественности в реформы посредством участия в составлении множества проектов. Многие общества спонсировали школы, профессиональное обучение и публичные лекции. Они, часто в сотрудничестве с правительством, организовывали съезды, которые превратились в местные, региональные или национальные центры, на которых изолированные прежде люди объединялись, чтобы обсудить общественные дела⁶². Музеи и выставки естествознания и промышленности знаменовали прогресс, разделение труда и распространение знания; они также демонстрировали сотрудничество науки, промышленности, частных ассоциаций и правительств в деле служения обществу⁶³. Мобилизуя людей, объединенных новыми общими групповыми интересами, и предлагая широкий круг разных полезных общественных дел, ассоциации превратились в новую форму общественного представительства и защиты (особенно в государствах, испытывающих недостаток в

национальных представительных учреждениях). А те группы, чьи интересы вообще не были представлены, с помощью ассоциаций смогли избавиться от чувства беспомощности в сфере публичной политики.

Общепризнано, что российская интеллигенция считала себя посредником в распространении образования и культуры в обществе. Вследствие недостатка буржуазии и частных филантропов, добровольные ассоциации в России играли более важную роль, чем на Западе, в качестве инициаторов общественных мероприятий и посредников в распространении просвещения⁶⁴. Многие российские ассоциации, ставившие своей целью демократизировать науку и образование, возникли в эпоху Великих реформ в 1860-х гг., во время беспрецедентного, санкционированного государством общественного обсуждения правительственной политики, особенностей развития отдельных местностей и проектов национального обновления. Разумеется, правительство пресекало любые попытки конституционного ограничения самодержавия, а радикалы негодовали на неполноту реформ и медлительность преобразований. Но некоторое время в середине XIX в. дух искреннего сотрудничества между общественностью и государством ради национального блага преобладал. Этот дух, вероятно, в наибольшей степени проявлялся среди российской молодежи, особенно в университетах, в значительной степени потому, что в 1863 г. новый университетский устав предоставил университетам больше автономии, включая право организовать свои собственные научные общества. Министерство внутренних дел отметило, что в начале 1860-х гг. наблюдалась «общая склонность к развитию общественной деятельности, направленной на выполнение самых разнообразных проектов, посредством добровольных организаций»⁶⁵.

Молодежь полагала, что ключ к прогрессу находился в руках науки и что Великие реформы создали новые благоприятные возможности для научных поисков. В 1863 г. группа специалистов, исследователей-любителей и студентов, связанных с Московским университетом, основала Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Полагая, что создание научного знания, т.е. теоретическое исследование, является прерогативой специальных учреждений, таких, например, как Академия наук в Петербурге, учредители ОЛЕАЭ заявили, что Россия более всего нуждается в распространении любви к науке и в выращивании молодых ученых. России не хватает не столько теоретических знаний, сколько «людей, которые могли бы использовать эти знания». Говоря выразительным языком членов-учредителей, цель ОЛЕАЭ состояла в «демократизации знаний»⁶⁶. Среди главных достижений ОЛЕАЭ можно назвать организацию Этнографической выставки в 1867 г., Политехнической выставки в 1872 г. и создание Московского политехнического музея. Представляя удачный пример сотрудничества между добровольными обществами, городским правительством, научным сообществом и широкой публикой, музей спонсировал лекции, обсуждения научных проблем и экскурсии для рабочих по воскресеньям. Обеспечивая многочисленные добровольные общества бесплатным местом проведения различного рода собраний, музей превратился в важный городской центр, способствующий не только демократизации науки и образования, но и развитию гражданской жизни и рациональному использованию досуга⁶⁷.

Потребности современной экономики, растущие разделение и специализация труда потребовали больших инвестиций в начальное образование, в обучение взрослых и техническое образование, и добровольные общества ответили на этот вызов. В 1861 г. в рамках ВЭО был создан Комитет грамотности, ставший самой заметной национальной ассоциацией, вовлеченной в начальное образование. Когда он открывался, его учредители объявили, что главный приоритет общества должен состоять в том, чтобы помочь распространению грамотности среди недавно освобожденных крестьян. Российское сельское хозяйство не может улучшиться, доказывали они, если его основной человеческий компонент – крестьянин – не станет грамотным фермером. Комитет организовывал бесплатное распределение одобренных правительством учебников и учебных материалов между начальными школами и библиотеками в масштабе всей страны, распространив через свою сеть, согласно оценкам, около 1 млн книг в течение

1865–1895 гг. Комитет дополнил эту распределительную сеть собственным издательством, став важным действующим лицом в усилиях образованного общества обеспечить альтернативу развлекательному чтиву и создать образец поучительной народной литературы. Всесторонняя деятельность Комитета грамотности требовала средств, и он получал ее за счет натуральных вкладов (товарами и услугами), членских взносов и пожертвований от русской буржуазии⁶⁸. Благодаря сбору средств, консультационным услугам и широкой сети корреспондентов из учителей и даже крестьян, «рассеянных по всей России», Комитету удалось наладить широкие горизонтальные связи в деревне и приобрести репутацию учреждения, заслуживающего доверия и помощи, что в современной западной литературе называется «социальным капиталом»⁶⁹.

Среди многих добровольных обществ, вовлеченных в обучение взрослых и техническое образование, самым известным и влиятельным было Русское техническое общество (РТО), основанное в Санкт-Петербурге в 1866 г. С самого начала состав общества был пестрым; при численном доминировании технической интеллигенции в него входили чиновники, офицеры, промышленники и иностранцы. К концу XIX в. 40 местных отделений РТО были разбросаны по всей России. Они располагали значительной автономией и могли беспрепятственно устанавливать контакты с бизнесом, промышленностью и образовательными учреждениями. Согласно уставу, общая цель РТО состояла в том, чтобы содействовать развитию русской техники, распространять техническую информацию и улучшать инженерное образование⁷⁰. В 1870–1880-х гг. РТО стало национальным центром для обсуждения вопросов образовательной политики, в значительной степени благодаря усилиям одного из его подразделений – Постоянной комиссии по техническому образованию. Чтобы улучшить техническое обучение и повысить производительность труда, Комитет организовал обучение взрослых рабочих, создавал школы для их детей и спонсировал публичные лекции. РТО приобретало помещения, нанимало учителей, разрабатывало программы, рецензировало учебники и составляло инструкции, что требовало большого организационного мастерства. Учитывая, что членские взносы, продажа книг и правительственные субсидии не покрывали всех расходов, общество должно было организовывать концерты, лекции и другие мероприятия, приносящие недостающие средства⁷¹. Публичные лекции, читальные залы и народные библиотеки поощряли людей к самоусовершенствованию и способствовали распространению научных и технических знаний. Они также служили средством рационального использования досуга. РТО было лишь одной из многих организаций, спонсировавших публичные лекции, которые, по словам А.А. Кизеветтера, приобрели в 1890-х гг. характер «эпидемии»⁷².

Подобно многим циклам лекций, периодически созываемые общероссийские съезды, организуемые многими ассоциациями, являлись важными общественными мероприятиями. Возьмем для иллюстрации периодические съезды ученых и специалистов по техническому образованию. Они были созданы по образцу съездов немецких ученых и организовывались университетскими научными обществами. Начиная с 1867 г. в различных городах Российской империи проходили съезды естествоиспытателей, которые создали прецедент, состоявший в том, что съезд, как правило, организовывался в соответствии с действующим Положением научного общества, т.е. по процедурам его собственного производства, и одновременно по правилам, официально одобренным правительством. Г.Е. Щуровский, профессор геологии в Московском университете и президент ОЛЕАЭ, в адресе первому съезду естествоиспытателей выразил мнение, что «съезды – нравственная сила; они способствуют контактам ученых друг с другом, с обществом и народом». Собирая ученых из самых дальних уголков империи, съезды ставили отечественную науку «в один ряд с европейской наукой» и способствовали развитию технического образования⁷³. Точно так же съезды по проблемам профессионально-технического образования, проводимые РТО начиная с 1889 г., были призваны познакомить общественность с состоянием русского технического образования и изучить «условия для его надлежащей организации». Веря, что съезды возбуждают, помогают и координируют частные и общественные усилия, направленные на улучшение

ние технического образования и развитие частной инициативы, организаторы всячески поощряли приток публики на съезды⁷⁴. Съезды, как и другие виды общественных собраний, проводимые в столицах и провинции, давали трибуну для общественных дебатов по широкому кругу проблем внутренней политики, многие из которых, такие, как телесные наказания, всеобщее народное образование и экономическая политика, вызывали наиболее горячие споры.

Усилия добровольных ассоциаций, направленные на то, чтобы информировать общественность о состоянии дел и мобилизовывать ее на решение актуальных социальных проблем, провоцировали общественные дискуссии, что встревожило царское правительство, которое в течение долгого времени поощряло возникновение обществ и поддерживало их деятельность. К концу XIX в. отношения между правительством и ассоциациями, число которых непрерывно увеличивалось, стали приобретать политический оттенок и характер конфронтации. Комитет грамотности ВЭО был обвинен в том, что использовал свою «широкую сеть публичных библиотек, читален и публичных лекций» и имел притязание на право голоса при обсуждении проблем государственной политики в своих политических целях, стремясь «превратить общественное образование в оружие антиправительственной пропаганды»⁷⁵. В 1890-х гг. ВЭО, уступая растущим жалобам правительства на то, что оно сделало свои собрания доступными и открытыми для публики и тем самым нарушило свой устав, было вынуждено уменьшить активность⁷⁶. В донесении полиции от 8 декабря 1897 г. утверждалось, что собрания в ВЭО «превратились в парламент, который обсуждает публично, всегда при большом стечении народа, абсолютно все вопросы внутренней политики правительства». «Нет возможности для объективной дискуссии, а если она начинается, то быстро превращается в антиправительственное собрание», «политическую демонстрацию». Донесение завершалось заключением, что «ни одна подпольная организация не сделала так много для распространения антиправительственных идей, как Вольное экономическое общество»⁷⁷.

Необходимо отметить, что институциональное ядро гражданского общества – сеть добровольных ассоциаций в Петербурге, Москве и других больших городах – быстро росла в позднеимперской России. Разумеется, по сравнению с Западной Европой и Северной Америкой, учитывая обширность империи и относительно незначительное число городов, сеть российских ассоциаций была менее плотной. Но значение ассоциаций было слишком велико, чтобы их могло игнорировать правительство тогда или историки сегодня. Как полагает британский социолог К. Тестер, самое существенное при оценке состоит не в том, чтобы выяснить, существовало или существует гражданское общество, и не в том, чтобы определить, сколь оно сильно или слабо или какими учреждениями располагает и в каких испытывает недостаток, сколько в том, почему люди действуют так, как если бы добровольные ассоциации имели значение⁷⁸. И то, что русские придавали серьезное значение добровольным обществам, открывает много нового о якобы «традиционной и мифологической» общественной жизни России и якобы всемогущем государстве, которое создавало «подданных, лишенных инициативы».

Хотя исследователи часто подчеркивают различия между Россией и Западом, опыт российских ассоциаций показывает, что на самом деле между ними много общего. Добровольные общества в России, Европе и Северной Америке ставили и преследовали те же самые цели. Несмотря на неизбежные ограничения, естественные при самодержавном правлении, российские ассоциации являлись, как и на Западе, автономными, самоорганизованными и самоуправляющимися, дававшими своим членам свободно проявлять свою общительность и гражданственность. Их уставы, или «основополагающие документы», как их нередко называли, содержали санкционированные государством привилегии и гарантировали неприкосновенность. Через ассоциации предприниматели, чиновники и интеллигенты ставили типичные для XIX в. проблемы, предлагали проекты и выражали ценности, обычно оцениваемые как несовершенные и ограниченные в самодержавной России: возможность воспользоваться благоприятным случаем, индивидуальная инициатива, независимость, самостоятельность, самосовершенство-

вание, предприимчивость, трудолюбие, рациональность, способность управлять своей судьбой, вера в науку, прогресс и культурное предназначение. Всюду в ассоциациях проявлялась деятельность, вдохновляемая стремлением «расширить умственный горизонт», развить чувство прекрасного и «сделать граждан более совершенными». Программы обучения взрослых были нацелены на «демократизацию знания», «социальное равенство» и «ломку всех барьеров между людьми»⁷⁹. Многие проекты – собрания и публичные лекции, публикации, организация школ, сбор средств и многое другое – продемонстрировали как обширную деятельность ассоциаций, так и их организационные таланты и гибкость, необходимую в условиях контроля со стороны бюрократии.

Действительно, чаще всего бюрократия поощряла деятельность ассоциаций ввиду того, что последняя служила делу прогресса и благосостояния населения, а также потому, что не обладала их организационными талантами. Несмотря на частые конфликты между государством и обществом, ставших притчей во языцех, сквозь призму которых в изучаемое время они смотрели друг на друга, на самом деле бюрократия и ассоциации много и успешно сотрудничали. В период с конца XVIII до конца XIX в. государство, санкционируя возникновение добровольных ассоциаций и помогая их деятельности, существенно способствовало тому, чтобы создать гражданское общество. Как и всюду в Европе, государственные субсидии, императорский патронаж, включение чиновников и даже членов императорской фамилии в правления ассоциаций способствовали преодолению барьера между официальным и государственным, с одной стороны, и общественным и публичным – с другой. Больше столетия правительство находило весьма полезным, чтобы ученые общества применяли знание к решению социально-экономических проблем, собирали, анализировали и издавали собранные данные и даже давали рекомендации при проведении политики, правда, лишь тогда, когда их об этом просили. Руководствуясь этими соображениями, правительство допускало значительную автономию и даже позволяло им проводить публичные собрания. Добровольные общества предоставляли своим членам возможность для установления прагматических, взаимовыгодных отношений с государственной администрацией. Многие ассоциации старательно развивали среди своих членов этос серьезного общественного служения и прагматичности, чтобы завоевать авторитет и найти поддержку своих проектов среди бюрократии. Российские ассоциации часто считали свои цели и цели государства тождественными – национальный прогресс и улучшение через исследование, усовершенствование и мобилизацию человеческих и природных ресурсов.

Преследуя эти цели, ассоциации стали теми центрами, где образованные русские взаимодействовали друг с другом. В огромной империи политика строилась на вертикальных связях от императора и к императору, что изолировало подданных друг от друга. Однако в ассоциациях ораторы и аудитория вступали в контакт друг с другом, а благодаря публикациям и прессе – со всем образованным обществом в столицах и провинции. Таким способом ассоциации устанавливали горизонтальные связи внутри общества в обход бюрократии, еще более подчеркивая свою автономию. Делая в своих проектах акцент на изменении и прогрессе, ассоциации способствовали тому, что общественность осознала: мир возможно изменить. Это поднимало уровень общественного сознания и предоставляло возможность для людей, объединенных групповыми интересами, выйти на общественную арену, подвергнуть свои проекты публичной проверке и стать проводниками культуры. Ассоциации и их общественные предприятия развивали то понимание общественного долга и гражданской гордости, которого не доставало в российской национальной жизни⁸⁰. Ассоциации способствовали мобилизации своих членов. Благодаря этому добровольные общества, вместе взятое, претендовали на то, чтобы представлять нацию перед правительством с помощью гласности, политических инициатив и петиций⁸¹.

Таким образом, претензия добровольных обществ представлять нацию при оценке и формулировке государственной политики подвергла опасности сотрудничество между ними и бюрократией и придала антиправительственным взглядам некоторую легитимность, хотя и не заметную на первый взгляд. К концу XIX в. многие ассоциации на-

стаивали, чтобы правительство расширило их прерогативы, делая легальной обширную деятельность, которую они фактически осуществляли. Продолжение правительственной опеки вызывало негодование и способствовало тому, что общественные организации и государство превращались в соперников и конкурентов. Что касается проверки и формулирования задач национальной политики, что выходило за пределы компетенции добровольных ассоциаций, то бюрократия попыталась помешать общественному обсуждению острых и актуальных проблем. Хотя историки правильно указали, что крупные национальные кризисы, например голод 1891 г. или события, приведшие к революции 1905 г., гальванизировали общественные действия в духе оппозиции правительству, организационная структура для антиправительственной деятельности уже существовала в форме добровольных ассоциаций. Созывая «парламенты», как часто пресса называла общественные собрания, такие ассоциации, как ВЭО или РТО, приобретали в сознании образованного населения то уважение, власть и доверие, которые отнимались у правительства. Таким образом, российские добровольные ассоциации продемонстрировали, какой может быть общественная жизнь даже в условиях самодержавного правления и почему эта общественная жизнь представляла угрозу для власть предержащих. Они создавали и старательно оберегали пространство для инициативы и автономии, где бы могла проявиться способность быть гражданином. Однако политизация и соперничество в этом пространстве в конце XIX в. сделали общественную сферу, как и само государство, уязвимым для атак со стороны революционеров, и быстро развивавшееся гражданское общество было скоро узурпировано последними, чтобы уничтожить его.

Если способность быть гражданином смогла сформироваться в неблагоприятных условиях самодержавного правления, не может ли российский опыт, в частности опыт добровольных обществ, обогатить теорию гражданского общества? Возникновение гражданского общества в России, проходившее под покровительством государства, не было производным верховенства закона и неприкосновенности личности, жилища и прав собственности, как это часто постулировалось применительно к Западу. Несмотря на это, между развитием гражданского общества на Западе и в России имелись параллели. Добровольные ассоциации, санкционированные самим государством, стали передним краем динамично развивавшегося гражданского общества. Они помогают объяснить, как возникло сотрудничество между государством и гражданским обществом, почему они служили социальной базой либерализма и реформаторских движений и почему стали бороться с политическим абсолютизмом. Посредством ассоциаций люди взяли инициативу в свои руки, приобрели социальную идентичность, сформировали группы интересов, артикулировали социальные проблемы и мобилизовали общественное мнение. Добровольные ассоциации создали пространство, где могли утверждаться и защищаться права и формулироваться требования. Их уставы являлись микроконституциями, написанными в терминах представительства. На языке представительства и с участием самой верховной власти были определены правовые отношения с последней, ясно сформулированы коллективные цели ассоциаций, дарованы им определенные права и привилегии и установлены принципы самоуправления. В условиях самодержавия добровольные ассоциации не только придали серьезное значение гражданскому обществу, но внесли также существенный вклад в процесс превращения российских подданных в граждан.

Примечания*

¹ *Kayden E.M. The Cooperative Movement in Russia during the War: Consumers' Cooperation.* New Haven, 1929. P. 4.

² В теоретическом дискурсе понятие «гражданское общество», как и его антагонист «государство», является абстрактным и на самом деле весьма неясным. Гражданское общество может быть определено как совокупность ассоциаций и институтов, не принадлежащих государству, которые являются источником «обязательных, открытых, публичных, коллективных действий»:

* Примечания даны в авторской редакции.

Nord Ph. Introduction // *Civil Society Before Democracy: Lessons from Nineteenth-century Europe* / N. Bermeo, Ph. Nord (eds.). Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2000. P. XIV. См. также: *Taylor Ch.* Modes of Civil Society // *Public Culture*. Vol. 3. No. 1. Fall 1990. P. 96; *Civil Society and the State* / J. Keane (ed.). London: Verso, 1988; *Arato A., Cohen J.* Civil Society and Political Theory. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 1992; *Seligman A.B.* The Idea of Civil Society. Princeton: Princeton University Press, 1992; *Civil Society: Theory, History, Comparison* / J.A. Hall (ed.). Cambridge: Polity Press, 1995. По мнению Хабермаса, публичная, или общественная, сфера – это система коммуникаций гражданского общества, где выражаются групповые интересы и обсуждаются групповые требования (см. об этом ниже). Под ассоциациями имеются в виду современные светские автономные общества – благотворительные, образовательные, просветительские и научные, членство в которых было добровольным, а не по принуждению или приписке, и которые предлагали новые формы самоопределения и участия в общественных делах. См.: *Tocqueville Al de.* Democracy in America / Ph. Bradley (ed.). 2 vols. New York, 1945; *Blumin St.* The Emergence of the Middle Class: Social Experience in the American City. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; *Nipperdey Th.* Verein als soziale Struktur in Deutschland im späten 18. und frühen 19. Jahrhundert: Eine Fallstudie zur Modernisierung I // *Nipperdey Th.* Gesellschaft, Kultur, Theorie: Gesammelte Aufsätze zur neueren Geschichte. Göttingen, 1976. S. 174–205; *Jacob M.C.* Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth-century Europe. New York and Oxford, 1991; *Blackbourn D., Eley G.* The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-century Germany. Oxford, 1984; *Van Dülmen R.* The Society of the Enlightenment: The Rise of the Middle Class and Enlightenment Culture in Germany, trans. Anthony Williams. Cambridge, 1992; *Morris R.J.* Voluntary Societies and British Urban Elites, 1780–1850: An Analysis // *Historical Journal*. 1983. Vol. 26; *Harrison C.E.* The Bourgeois Citizen in Nineteenth-century France: Gender, Sociability, and the Rise of Emulation. Oxford, 1999.

³ *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society, trans. Thomas Burger. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. P. 23–27. Хабермас, отвечая критикам, признает важность добровольных ассоциаций: *Habermas and the Public Sphere* / C. Calhoun (ed.). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992. P. 454. Он включает ассоциации в пересмотренную им теорию гражданского общества: *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / Trans. William Rehg. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. P. 355. В последних работах Хабермаса гражданское общество и общественная сфера почти синонимичны. *Perez-Diaz V.* The Possibility of Civil Society: Traditions, Character and Change // *Civil Society: Theory, History, Comparison* / J.A. Hall (ed.). Cambridge: Polity Press, 1995. P. 80–109. См. также: *Keane J.* Civil Society and the State. P. 15–16, 40, 35–72, 169–170; *Giner S.* The Withering Away of Civil Society? // *Praxis International*. Vol. 5. October 1985. P. 247–67; *Calhoun C.* Habermas and the Public Sphere, pp. 7–9; *Chartier R.* The Cultural Origins of the French Revolution / Trans. Lydia G. Cochrane. Durham and London: Duke University Press, 1991. P. 17, 21, 27, 30.

⁴ *Jacob M.C.* Living the Enlightenment. P. 216. См. также: *Clark P.* British Clubs and Societies, 1580–1800: The Origins of an Associational World. Oxford: Clarendon Press, 2000. P. 5; *Becker M.B.* The Emergence of Civil Society in the Eighteenth Century: A Privileged Moment in the History of England, Scotland and France. Bloomington: Indiana University Press. P. 69.

⁵ *Chartier R.* Cultural Origins. P. 17, 21, 30; *Goodman D.* The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment. Ithaca and London: Cornell University Press, 1994. P. 2, 5, 34; *Harrison C.E.* Bourgeois Citizen, p. 22–24, 37. См. также: *Warner M.* The Letters of the Republic: Publication and the Public Sphere in Eighteenth-Century America. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press. P. XIII, 61.

⁶ *Hull I.V.* Sexuality, State, and Civil Society in Germany, 1700–1815. Ithaca and London: Cornell University Press, 1996. P. 207–8, 217, 221; *Nipperdey Th.* Verein. P. 201; *McNeely I.F.* The Intelligence Gazette (Intelligenzblatt) as a Road Map to Civil Society: Information Networks and Local Dynamism in Germany, 1770s–1840s // *Paradoxes of Civil Society: New Perspectives on Modern German and British History* / Trentmann F. (ed.). New York; Oxford: Berghahn Books, 2000. P. 151; *John M.* Associational Life and the Development of Liberalism in Hanover, 1848–1866 // *In Search of a Liberal Germany* / K.H. Jarusch, L.E. Jones (eds.). New York: Berg, 1990. P. 161–186; *Blackbourn D.* The Long Nineteenth Century: A History of Germany, 1780–1918. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 125; *Hamerow Th.S.* The Social Foundations of German Unification, 1858–1871: Ideas and Institutions. Princeton: Princeton University Press, 1969. P. 339–58; *Nipperdey Th.* Germany from Napoleon to Bismarck, 1800–1866 / Trans. D. Nolan. Princeton, 1996. P. 235–236; *Tenfelde K.* Civil Society and the Middle Classes in Nineteenth-Century Germany // *Civil Society Before Democracy: Lessons from Nineteenth-century Europe* / N. Bermeo, Ph. Nord (eds.). P. 93.

⁷ Основные правила, управляющие публичной сферой, рассмотрены в кн.: *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere...* P. 83. Критики Хабермаса утверждают, что даже в государствах Северной Америки и Западной Европы, для которых характерна «сильная публичная сфера», доступ к ней не одинаков для всех социальных групп. См., например, статьи Н. Фразер (N. Fraser) и Г. Элей (G. Eley) в кн.: *Habermas and the Public Sphere / C. Calhoun (ed.)*. На европейском континенте присоединение к североатлантической традиции произошло «позже, менее последовательно и прерывистым путем»: *Perez-Diaz V. The Possibility of Civil Society...* P. 81.

⁸ *Nord Ph. The Republican Moment: Struggles for Democracy in Nineteenth-century France*. Cambridge, Mass, and London: Harvard University Press. P. 6.

⁹ *Lüdtke A. Police and State in Prussia / Trans. P. Burgess*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. XV. По мнению некоторых исследователей, даже в обществах, столь различных как Франция и Китай, гражданское общество было в значительной степени создано государством: *Bell D.A. The «Public Sphere», the State, and the World of Law in Eighteenth-century France // French Historical Studies*. Vol. 17. Fall 1992. P. 934, 955; *Chamberlain H.B. On the Search for Civil Society in China // Modern China*. Vol. 19. No. 2. April 1993. P. 204, 211. См. также статьи Хуанга (Ph.C.C. Huang), Ранкин (M.B. Rankin), Роув (W.T. Rowe), Мадсен (R. Madsen), Уейкмана (F. Wakeman, Jr.) в указанном выпуске журнала «Modern China», посвященном публичной сфере.

¹⁰ Цит. по: *Goodman D. The Republic of Letters...* P. 1–2. См. также: *Harrison C.E. Bourgeois Citizen...* P. 22–24, 37.

¹¹ Цит. по: *McMillan D. Energy, Willpower, and Harmony: On the Problematic Relationship between State and Civil Society in Nineteenth-Century Germany // Paradoxes of Civil Society: New Perspectives on Modern German and British History*. P. 177, 184, 188; *Hull I.V. Sexuality, State, and Civil Society in Germany...* T. 208. См. также: *Nipperdey Th. Verein*. P. 177–178, 190, 196–197; *Dülmen R. van. The Society of the Enlightenment...* P. 66–67.

¹² *Whyte M. Urban China: A Civil Society in the Making? // State and Society in China: Consequences of Reform / A.L. Rosenbaum (ed.)*. Boulder: Westview, 1992. P. 77–78, 82.

¹³ *Pateman C. The Disorder of Women: Democracy, Feminism and Political Theory*. Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 4, 20; *Pateman C. The Fraternal Social Contract // Civil Society and the State / J. Keane (ed.)*. P. 101–112. Во Франции см.: *Goodman D. The Republic of Letters...* P. 260; *Landes J. Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1988. P. 7, 57. Взгляды Ландеса на буржуазную публичную сферу были подвергнуты критике в статьях Д. Белл (D. Bell), Д. Гордон (D. Gordon) и С. Маца (S. Maza) в специальном выпуске журнала «French Historical Studies». Fall 1992. В США см.: *Ryan M. Civil Society as Democratic Practice: North American Cities during the Nineteenth Century // The Journal of Interdisciplinary History* 29. No. 4. Spring 1999. P. 567–68; *Rosenblum N.L. Membership and Morals: The Personal Uses of Pluralism in America*. Princeton, N.J., 1998. P. 34. В Великобритании см.: *Clark P. British Clubs and Societies...* P. 3, 84, 130, 155, 198, 191, 203; *Cunningham H. Leisure and Culture // The Cambridge Social History of Britain, 1750–1950 / F.M.L. Thompson (ed.)*. Vol. 2. People and Their Environment. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 295. В Германии: *Dülmen R. Society of the Enlightenment...* P. 129.

¹⁴ *Scott J. Only Paradoxes to Offer: French Feminists and the Rights of Man*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996; *Davidoff L., Hall C. Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780–1850*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1987.

¹⁵ *Isenberg N. Sex and Citizenship in Antebellum America*. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1998. P. XIV–XV, 12, 59, 69–70; *Davis B. Reconsidering Habermas, Gender, and the Public Sphere: The Case of Wilhelmine Germany // Society, Culture, and the State in Germany 1870–1930 / G. Eley (ed.)*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997. P. 397–426; *Clemens E. Securing Political Returns to Social Capital: Women's Associations in the United States, 1880s–1920s // The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 29. No. 4. Spring 1999. P. 637; *Ryan M. Civil Society as Democratic Practice*. P. 571–572; *Lidtke V. Alternative Culture: Socialist Labor in Imperial Germany*. New York: Oxford University Press, 1985. P. 16–17; *Scott A.F. Natural Allies: Women's Associations in American History*. Urbana and Chicago, 1993. P. 2–3, 120.

¹⁶ Цит. по: *Davidoff L., Hall C. Family Fortunes*. P. 416, 445–6; *Hull I.V. Sexuality*. P. 200–201, 214. См. также: *Harrison C.E. Bourgeois Citizen*. P. 21, 51, 56, 58, 63–4, 69, 86–87, 123; *Macleod D.S. Homosexuality and Middle-Class Identity in Early Victorian Patronage of the Arts // Gender, Civic Culture and Consumerism: Middle-Class Identity in Britain, 1800–1940 / A. Kidd, D. Nicholls (eds.)*. Manchester; New York: Manchester University Press, 1999. P. 65; *Bjornsson P. Making the New Man: Liberal Politics and Associational Life in Leipzig, 1845–1871 / Ph.D. diss.* University of Rochester, 1999. P. 161–163; *Morris R.J. Class, Sect and Party: The Making of the British Middle Class*, Leeds

1820–1850. Manchester: Manchester University Press, 1990. P. 397; *Ryan M.* Civil Society as Democratic Practice. P. 567–568.

¹⁷ Первоначально Хабермас полагал, что публичная сфера коренится в классе и капитализме: *Habermas J.* Structural Transformation... Впоследствии он пересмотрел это представление: *Habermas J.* Further Reflections on the Public Sphere // *Habermas and the Public Sphere* / C. Calhoun (ed.). P. 453–454.

¹⁸ В США см.: *Blumin S.* The Emergence of the Middle Class. В Великобритании: *Morris R.J.* Voluntary Societies. P. 96, 110; *Seed J.* 'Commerce and the Liberal Arts': The Political Economy of Art in Manchester, 1775–1860 // *Culture of Capital: Art, Power, and the Nineteenth-Century Middle Class* / J. Wolff, J. Seed (eds.). Manchester, 1988. P. 46; *Seed J.* Theologies of Power: Unitarianism and the Social Relations of Religious Discourse, 1800–50 // *Class, Power and Social Structure in British Nineteenth-Century Towns* / R.J. Morris (ed.). Leicester: Leicester University Press, 1986. P. 141; *Clark R.* British Clubs. P. 12. Во Франции см.: *Holt P.* Social History and Bourgeois Culture in Nineteenth-Century France // *Comparative Studies in Society and History*. 1985. Vol. 27. P. 713–26; *Harrison C.E.* The Bourgeois Citizen. P. 3, 6–8; *Baker K.M.* Defining the Public Sphere in Eighteenth-Century France: Variations on a Theme by Habermas // *Habermas* / C. Calhoun (ed.). P. 187; *Maza S.* The Myth of the French Bourgeoisie: An Essay on the Social Imaginary, 1750–1850. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

¹⁹ *Blackbourn D., Eley G.* The Peculiarities of German History. P. 148–49; *Blackbourn D.* The German Bourgeoisie: An introduction // *The German Bourgeoisie: Essays on the social history of the German middle class from the late eighteenth to the early twentieth century* / D. Blackbourn, R.J. Evans (eds.). London; New York, 1991. P. 11–12; *Lowood H.* Patriotism, Profit and the Promotion of Science in the German Enlightenment: The Economic and Scientific Societies, 1760–1815. New York: Garland, 1991. P. 4–5; *Rose M.E.* Culture, Philanthropy and the Manchester Middle Classes // *City, Class and Culture: Studies of Social Policy and Cultural Production in Victorian Manchester* / A.J. Kidd, K.W. Roberts (eds.). Manchester: Manchester University Press, 1985. P. 106; *McCarthy K.D.* Noblesse Oblige: Charity and Cultural Philanthropy in Chicago, 1849–1929. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. IX; *Harrison C.E.* Bourgeois Citizen. P. 51, 56, 58, 63, 64, 69, 86.

²⁰ Цит. по: *Trentmann F.* Introduction: Paradoxes of Civil Society // *Paradoxes* / F. Trentmann (ed.). P. 3, 10. См. также: *Baker K.M.* Defining the Public Sphere. P. 187; *Baker A.R.H.* Sound and Fury: The Significance of Musical Societies in Loir-et-Cher during the Nineteenth Century, *Journal of Historical Geography*. Vol. 12. No. 3. July 1986. P. 264; *Becker M.B.* Emergence. P. 116; *Blackbourn D.* German Bourgeoisie. P. 5; *Hull I.V.* Sexuality. P. 201, 203; *Holt P.* Social History. P. 7. *Bell D.A.* Public Sphere. P. 915–16; *Gouldner A.W.* The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory. New York: The Seabury Press, 1980. P. 355–61; *Clark R.* British Clubs. P. 136, 142, 144, 150, 156, 252, 444.

²¹ *Appleby J., Hunt L., Jacob M.* Telling the Truth about History. New York, 1994. Vol. 29. См. также: *Thackray A.* Natural Knowledge in Cultural Context: The Manchester Mode // *The American Historical Review*. No. 3. June, 1974. P. 693; *Outram D.* Georges Cuvier: Vocation, Science and Authority in Post-Revolutionary France. Manchester, 1984. P. 94, 109–110. Подобный «миф аполитичной науки... требовал, чтобы она покоилась на нейтральной основе и утверждала свой статус путем ухода из сферы политического конфликта»: *Outram D.* Georges Cuvier. P. 109–110.

²² *Thackray A.* Natural Knowledge. P. 686; *Appleby J., Hunt L., Jacob M.* Telling the Truth, 27. См. дискуссию о применении науки в «экономике знания»: *Mokyr J.* The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press, 2002.

²³ *Levine P.* The Amateur and the Professional: Antiquarians, Historians and Archaeologists in Victorian England, 1838–1886. Cambridge, 1986. P. 52.

²⁴ *Fox R.* Learning, Politics and Polite Culture in Provincial France: The Sociétés Savantes in the Nineteenth Century // *Historical Reflections / Reflexions Historiques*. 1980. Vol. 7. No. 2–3. P. 554.

²⁵ *Dülmen R., van.* The Society of the Enlightenment... P. 1–2, 66–67.

²⁶ *Blackbourn D., Eley J.* Peculiarities. P. 148–49; *Dülmen R. van.* The Society of the Enlightenment... P. 106; *Blackbourn D.* German Bourgeoisie. P. 11–12. See also *Harrison C.E.* Bourgeois Citizen, 120; *McCarthy K.D.* Noblesse Oblige. P. IX.

²⁷ *Afanasyev Yu.* Russia's Vicious Circle // *The New York Times*. 1994. 28 February. В последнем предложении Афанасьев цитирует Н.Г. Чернышевского. Статья Афанасьева – не академическая работа. Однако широкое распространение подобных антиисторических обобщений вынуждает нас подвергнуть их научному анализу.

²⁸ Цит. по: *Raeff M.* Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime / Trans. A. Goldhammer. New York: Columbia University Press, 1984. P. 66. Об одном из самых известных

русских гегельянцев см.: *Hamburg G.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford: Stanford University Press, 1992. P. 86–87. О фрагментации социальной структуры населения в России см.: *Freeze G.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. P. 11–36; *Rieber A.J.* The Sedimentary Society // *Between Tsar and People*. P. 343–366; *Wirtschafter E.K.* Structures of Society: Imperial Russia's People of Various Ranks. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994; *Wirtschafter E.K.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997.

²⁹ Цит. по: *Malia M.* The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York: The Free Press, 1994. P. 70; *Laue Th., von.* Why Lenin? Why Stalin? Why Gorbachev?: The Rise and Fall of the Soviet System, 3d ed. New York: HarperCollins, 1993. P. 17–18. См. также: *Walkin J.* The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia: Political and Social Institutions under the Last Three Czars. New York: Praeger, 1962. P. 183–184; *Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552–1917. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. P. 181–182; *Malia M.* Russia Under Western Eyes From the Bronze Horseman to the Lenin Museum. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. P. 143.

³⁰ *Rieber A.J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982; *Owen Th.C.* Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants 1855–1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; *Ascher A.* The Revolution of 1905: Russia in Disarray. Stanford: Stanford University Press, 1988; *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23. No. 1. P. 619–642; 1965. Vol. 24. No. 1. P. 1–22; *Bonnell V.* Voluntary Associations in Gorbachev's Reform Program // *The Soviet System in Crisis: A Reader of Western and Soviet Views* / A. Dallin, G.W. Lapidus (eds.). Boulder: Westview, 1991. P. 151–160; *Suny R.G.* The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States. New York: Oxford University Press. P. 15; *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History* / H.D. Balzer (ed.). New York, 1996.

³¹ *Raeff M.* Understanding Imperial Russia. P. 129.

³² *Emmons T.* The Zemstvo in Historical Perspective // *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government* / T. Emmons, W.S. Vucinich (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 433. См. также: *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. P. 1–5; *Laue Th., von.* Why Lenin? P. 59; *Raeff M.* Understanding Imperial Russia. P. 89, 183–186; *Ascher A. P.A.* Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 77; *Figes O.* A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. New York: Viking, 1996. P. 162.

³³ *Pipes R.* Russia Under the Old Regime. New York: Scribner's, 1974. P. XXI.

³⁴ *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / J. Burbank, L. Ransel D.L. (eds.). Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. XV–XVI.

³⁵ *Smith D.* Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1999. P. 86; *Starr S.F.* Civil Society and the Impediments to Reform // *Toward a More Civil Society?: The USSR Under Mikhail Sergeevich Gorbachev* / W.G. Miller (ed.). New York: Harper and Row, 1989. P. 307; *Brower D.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990. P. 40; *Lincoln W.B.* The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 1990. P. XVI; *Lindenmeyr A.* Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 111, 231; *Wartenweiler D.* Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914. Oxford: Clarendon Press, 1999; *Hagen M.* Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland, 1906–1914. Wiesbaden, 1982; *Ruane Ch.* Gender, Class and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860–1914. Pittsburgh and London: University of Pittsburgh Press, 1994; *Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton: Princeton University Press, 1985; *McReynolds L.* The News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 3–4; *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton: Princeton University Press, 1985. P. XXI; *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. P. 111.

³⁶ Я заимствовал эту идею у М. Уолкера, который использовал ее для объяснения, почему в Германии провинциальная буржуазия получила то, чего не смогла получить сильная либеральная буржуазия: *Walker M.* German Home Towns: Community, State and General Estate, 1648–1871. Ithaca, 1971. P. 4.

³⁷ Даже первое издание авторитетного обобщающего исследования по социальной истории имперской России не учитывает деятельность добровольных обществ: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999.

³⁸ Так как ассоциации, которые я анализирую, находились в Петербурге и Москве, то провинциальные добровольные общества, не говоря уже о тех, которые представляли национальные меньшинства империи, оказались за рамками данной статьи. В анализ не включены также императорские академии; организации, цель которых состояла в том, чтобы зарабатывать на жизнь – гильдии, корпорации, торговые ассоциации, кооперативы и союзы; политические партии; тайные общества и нелегальные организации; церкви, секты и другие религиозные ассоциации; неформальные организации типа кружков и салонов. О критериях типологии добровольных ассоциаций см.: *Clark P.* British Clubs. P. 16; *Lowood H.* Patriotism. P. 24–25; *Eisenberg Ch.* Working-Class and Middle Class Associations: An Anglo-German Comparison, 1820–1870 // *Bourgeois Society in Nineteenth-Century Europe* / J. Kocka, A. Mitchell (eds.). Oxford, 1993. P. 153–154; *Warren M.E.* Democracy and Association. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 57–58.

³⁹ *Lowood H.* Patriotism; *Madariaga I., de.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and London: Yale University Press, 1981. P. 133, 142; *Prescott J.A.* The Russian Free Economic Society: Foundation Years // *Agricultural History*. Vol. V. No. 3. July, 1977. P. 503–512.

⁴⁰ *Thackray A.* Natural Knowledge. P. 683; *Clark P.* British Clubs. P. 271.

⁴¹ *Jones P.E.* The Emancipation of the Russian Nobility. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1973. P. 137. См. также: *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven and London: Yale University Press, 1975. P. 281; *Melton E.* Enlightened Seigniorialism and Its Dilemmas in Serf Russia, 1750–1830 // *Journal of Modern History*. Vol. 62. December, 1990. P. 679; *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Committee of 1767. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 216; *David W.* The Conflict between Economic Vision and Economic Reality: The Case of M.M. Shcherbatov // *Slavonic and East European Review*. January, 1989. P. 45; *Roger P., Bartlett R.P.* J.J. Sievers and the Russian Peasantry under Catherine II // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1984. Vol. 32. No 1. P. 15–16; *Madariaga I.* Russia in the Age of Catherine the Great. P. 133, 142.

⁴² *Ходнев А.И.* Краткий обзор столетней деятельности Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 1–4.

⁴³ Устав ВЭО опубликован: ПСЗ-I. Т. 27 (1765). № 12502; ПСЗ-II. Т. 34 (1859). № 34192; Т. XLVII (1872). № 51195, а также в ряде отдельных изданий. Я буду использовать соответствующие постановления XIX–начала XX в., в том числе: Проекты Устава Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1913 (в указанном издании дано сравнение постановлений 1872 г. и двух проектов во пересмотру Устава); К истории Вольного экономического общества. СПб., 1907. Док. № 180. См. также: *Ходнев А.И.* Краткий обзор столетней деятельности... С. 1–4. М. Джакоб придает большое значение уставам ассоциаций в век Просвещения в Западной Европе: *Jacob M.* Living the Enlightenment.

⁴⁴ Содержание этих постановлений часто было предметом обсуждения в либеральной прессе. См., например, серию отчетов в рубрике «Из общественной хроники» журнала «Вестник Европы» (1896. № 5. С. 434–436; 1896, № 6. С. 861–863; 1897, № 6. С. 875–876; 1897, № 10. С. 846–848).

⁴⁵ Сведения о деятельности ВЭО см.: *Ходнев А.И.* Краткий обзор столетней деятельности...; *он же.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865; *Бекетов А.Н.* Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Вольного экономического общества с 1865 до 1890-х гг. СПб., 1890; *Кулябко-Корецкий Н.Г.* Краткий исторический очерк деятельности Императорского Вольного экономического общества со времени его основания, преимущественно в деле собирания и разработки статистических сведений о России и распространения знаний в населении // *Труды Вольного экономического общества*. 1897. № 3. С. 395–412; *Confino M.* Domaines et Seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle: étude de structures agraires et de mentalités économiques. Paris, 1963; *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в России. 1765–1917 гг. М., 1963; *Pratt J.K.* The Russian Free Economic Society, 1765–1915 / Ph. D. diss. University of Missouri-Columbia, 1983.

⁴⁶ О дискуссиях вокруг сочинений, представленных на конкурсы см.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. XI, 309–339; *Confino M.* Domaines et Seigneurs en Russie... P. 202–203, 232–234, 237–251; *Jones R.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 137–138; *Ходнев А.И.* История Императорского Вольного экономического общества... С. 366–467; *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество...

С. 59–63; *Bartlett R. I.E.* and the Free Economic Societys Essay Competition of 1766 on Peasant Property // *British Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter.* 1980. No. 8. P. 58–67.

⁴⁷ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения, 1738–1795: В 3 т. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 318. Цит. по: *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility. P. 99–100. См. также: *Confino M.* Domaines et Seigneurs en Russie... P. 38; *Pratt J.K.* The Russian Free Economic Society, pp. 36–44; *Ходнев А.И.* История Императорского Вольного экономического общества... С. 1–94.

⁴⁸ *Confino M.* Domaines et Seigneurs en Russie... P. 28–34; Нужно отметить, что эффективность европейских сельскохозяйственных обществ была также подвергнута сомнению: *Clark P.* British Clubs. P. 437–40; *Hudson K.* Patriotism with Profit: British Agricultural Societies in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. London, 1972. P. 3, 18, 46–48; *Lowood H.* Patriotism. P. 132–141, 163, 169.

⁴⁹ *Ходнев А.И.* Краткий обзор столетней деятельности... С. 1–4; *Prescott J.A.* The Russian Free Economic Society. P. 503; *Raeff M.* Understanding Imperial Russia. P. 99.

⁵⁰ *Merrill L.L.* The Romance of Victorian Natural History. Oxford, 1989. P. 97; *Blackbourn D.* The Long Nineteenth Century. P. 275.

⁵¹ Литература по данной теме обширна. См., например: *Clifford J.* The Predicament of Culture: Twentieth-century Ethnography, Literature and Art. Cambridge; London: Harvard University Press, 1988. P. 215–251; *Objects and Others: Essays on Museums and Material Culture* / G.W. Stocking, Jr. (ed.). Madison, Wis., 1985; *Trigger B.G.* A History of Archaeological Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; *Merrill L.L.* The Romance of Victorian Natural History. New York. 1989; *Levine Ph.* The Amateur and the Professional: Antiquarians, Historians, and Archaeologists in Victorian England. Cambridge, 1986; *Lutz C.A., Collins J.L.* Reading the National Geographic. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993; *Dellheim C.* The Face of the Past: Preservation of the Medieval Inheritance in Victorian England. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

⁵² ПСЗ-II. Т. 20 (1845). № 19259.

⁵³ *Сухова И.Г.* Еще раз о предыстории Русского географического общества // *Известия Всесоюзного географического общества.* 1990. № 5. С. 403–408; *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л., 1945. С. 32–34.

⁵⁴ *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1896. С. 9.

⁵⁵ *Linkoln W.B.* Petr Petrovich Semenov-Tian-Shanskii: The Life of a Russian Geographer. Newtonville (Mass.), 1980. P. 12–13; *Штейн В.М.* Роль Всесоюзного географического общества в развитии русской общественной мысли // *Известия Всесоюзного географического общества.* 1945. № 1–2. С. 7. Это также недавно привлекло внимание исследователей русской этнографии: *Knight N.* Science, Empire, and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // *Imperial Russia* / J. Burbank, D. Ransel (eds.). P. 108–141.

⁵⁶ *Остен-Сакен Ф.Р.* Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества. СПб., 1871. С. 44; *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb (Ill.), 1982. P. 91–101.

⁵⁷ *Семенов П.П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 2–3; *Лукина Т.А.* К истории основания Русского географического общества // *Известия Всесоюзного географического общества.* М., 1965. № 6. С. 508–510.

⁵⁸ *Бэр К.М.* Об этнографическом исследовании вообще и в России в особенности // *Записки Русского географического общества.* Изд. 2. Кн. 1–2. СПб., 1849. С. 77. См. также: *Семенов П.П.* Указ. соч. Ч. 1. С. XVII–XXI, 37–38, 51; *Берг Л.С.* Указ. соч. С. 33, 146–147; *Сабурова Л.М.* Русское географическое общество и этнографические исследования // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.* Л., 1977. № 7. С. 6–7; *Степанов Н.Н.* Русское географическое общество и этнография // *Советская география.* 1946. № 4. С. 187–206.

⁵⁹ *Семенов П.П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 51. Здесь Семенов подводит итоги работы общества по отчету, представленному в РГО этнографом Н.И. Надеждиным.

⁶⁰ Цит. по: *Остен-Сакен Ф.Р.* Указ. соч. С. 44–45. Открытость стала частью имиджа РГО, создаваемого его лидерами. Отчет Семенова о золотом юбилее РГО повторяет почти слово в слово оценку общества, сделанную в отчете по случаю его серебряного юбилея (*Семенов П.П.* Указ. соч. Ч. 1. С. XXIV). Общественные отчеты, конечно, преувеличивают открытость и значение научных обществ. Тем не менее важно иметь в виду мнения, которые в них выражены, потому что они позволяют понять значение ассоциаций и самооценку их членов.

⁶¹ *Ryan M.* Cradle of the Middle Class: The Family in Oneida County, New York, 1790–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; *Blumin S.* The Emergence of the Middle Class; *Davidoff L., Hall C.* Family Fortunes; *Culture of Capital* / J. Wolfe, J. Seed (eds.); *Morris R.J.* Class,

Sect and Party; *McCarthy K.D.* Noblesse Oblige; The German Bourgeoisie / *D. Blackburn, R.J. Evans* (eds.); *Bourgeois Society* / *J. Kocka, A. Mitchell* (eds.).

⁶² *City, Class and Culture* / *A. Kidd, K. Roberts* (eds.); *Auspitz K.* The Radical Bourgeoisie: The Ligue de l'enseignement and the Origins of the Third Republic, 1866–1885. Cambridge, 1982; *Morris R.J.* Voluntary Societies; *Elwitt S.* Social Reform and Social Order in Late Nineteenth-century France: The Musée Sociale and Its Friends // *French Historical Studies*. Vol. 11. Spring 1980. P. 431–51; *Scott D.M.* The Popular Lecture and the Creation of a Public in Mid-Nineteenth-Century America // *The Journal of American History*. Vol. 66. No. 4. March 1980. P. 791–809; *Scott D.M.* The Professions that Vanished: Public Lecturing in Mid Nineteenth-Century America // *Professions and Professional Ideologies in America* / *G.L. Geison* (ed.). Chapel Hill, N.C., 1983. P. 12–28; *Hays J.N.* The London Lecturing Empire, 1800–1850 // *Metropolis and Province: Science in British Culture, 1780–1850* / *I. Inskter, J. Morrell* (eds.). London, 1983. P. 91–119; *Thomas R.H.* Liberalism, Nationalism and the German Intellectuals, 1822–1847: An Analysis of the Academic and Scientific Congresses of the Period. Cambridge: W. Heffer and Sons, 1951.

⁶³ О деятельности выставок и музеев в XIX в. см.: *Findling J.E., Pelle K.D.* A Historical Dictionary of World's Fairs and Expositions, 1851–1988. Westport, CT., *Rydell R.* The Books of the Fairs: Materials about World's Fairs, 1834–1916, in the Smithsonian Institution Library. Chicago: American Library Association, 1991; *Rydell R.* All the World's A Fair: Visions of Empire at American International Expositions, 1876–1916. Chicago: University of Chicago Press, 1984; *The Anthropology of World's Fairs* / *B. Benedict* (ed.). Berkeley, Calif., 1983; *Greenhalgh P.* Ephemeral Vistas: The Expositions Universelles, Great Exhibitions and World's Fairs, 1851–1939. Manchester, 1988; *Bennett T.* The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. New York, 1995; *Walden K.* Becoming Modern in Toronto: The Industrial Exhibition and the Shaping of Late Victorian Culture. Toronto: University of Toronto Press, 1997; *Stocking G.W. Jr.* Victorian Anthropology.

⁶⁴ См. также: *Bradley J.* Voluntary Associations, Civic Culture, and Obshchestvennost' in Moscow // *E.W. Clowes, S. Kassow, J. West* (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 131–48; *Брэдли Дж.* Добровольные общества и развитие гражданского общества в дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 77–89.

⁶⁵ Цит. по: *Lindenmeyr A.* Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 121. Университетский устав см.: *Общий устав императорских российских университетов*. ПСЗ-II. 1863. Т. 38. № 39752. См. также: *Токарев С.А.* История русской этнографии: дооктябрьский период. М., 1966. С. 284; *Vucinich A.* Science in Russian Culture, 1861–1917. Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 77.

⁶⁶ Цит. по: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ОЛЕАЭ). Протоколы заседаний. Т. 1. М., 1867. № 2–3; Т. 27; М., 1867. № 109–110. См. также: *Богданов В.В.* Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском государственном университете // *Ученые записки Московского государственного университета*. Юбилейная серия. 1940. Вып. 53. С. 363–364; *Богданов П.В.* Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1914. С. 33; *Токарев С.А.* История русской этнографии. М., 1966. С. 284.

⁶⁷ ОЛЕАЭ. Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд. М., 1867; ОЛЕАЭ. Общее обозрение Московской политехнической выставки. М., 1872. Об организации выставки 1872 г. см.: *Bradley J.* Pictures at an Exhibition: Science, Patriotism, and Civil Society in Imperial Russia // *Slavic Review*. Vol. 67. No. 4. Winter 2008. P. 934–966. О деятельности музеев см.: *Поздняков Н.Н.* Политехнический музей и его научно-просветительская деятельность, 1872–1917. гг.: История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 129–158; *Московский музей прикладных знаний: Материалы для истории устройства музея*. М., 1875; *Брэдли Дж.* Наука в городе: Основание Московского политехнического музея // *Россия XXI*. 2005. № 2. С. 96–127.

⁶⁸ Обзор истории Комитета грамотности см.: *Протопопов Д.Д.* История Санкт-Петербургского Комитета грамотности, 1861–1895. Пб., 1897; *Диксон К.* Санкт-Петербургский Комитет грамотности: Исторический очерк. 1861–1911. СПб., 1911; *Горчаков И.А.* Обзор деятельности Комитета грамотности // *Труды Вольного экономического общества*. 1894. № 1. С. 285–299; *Шестаков П.* Столичные комитеты грамотности // *Русская мысль*. 1896. Май. С. 106–124; 1896. Июнь. С. 107–124; 1896. Октябрь. С. 91–102. В Москве действовал Московский комитет грамотности как подразделение Московского общества сельского хозяйства.

⁶⁹ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 165–167.

⁷⁰ Устав см.: ПСЗ-II. Т. XLI. 1866. № 43219. См. также: *Гриценко Н.Н. и др.* Научно-технические общества СССР. М., 1968; *Филиппов Н.Г.* Научно-технические общества в России.

1866–1917. М., 1976; Краткий исторический очерк деятельности Императорского Русского технического общества с его основания по 1 января 1893 г. // Записки Русского технического общества. 1893. № 7–8. С. 1–20; *Грузинский А.Е.* Тридцать лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний. М., 1902. Среди ассоциаций, занимавшихся вопросами обучения взрослых и технического образования, были Общество распространения технических знаний, Московское общество распространения коммерческого образования и Общество народных университетов. См. также: *Owen Th.* Capitalism and Politics. P. 162; *Bradley J.* Merchant Moscow after Hours: Voluntary Associations and Leisure // Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie / J. West, Iu. Petrov (eds.). Princeton: Princeton University Press, P. 133–146.

⁷¹ О деятельности РТО в сфере образования см.: *Тиц Б.Н.* Очерк истории Постоянной комиссии по техническому образованию при Императорском Русском техническом обществе. 1868–1889. СПб., 1889; *Корольков Н.М.* Краткий обзор деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию. СПб., 1912.

⁷² *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий... С. 213–214. Открывали народные библиотеки и организовывали публичные лекции также и другие добровольные общества – Общество по изучению и распространению бухгалтерского учета, Пироговское общество русских врачей, Общество свободных публичных библиотек, Общество по распространению технических знаний, Московское юридическое общество, Общество народных университетов, Общество трезвости и др. См.: Общество содействия к устройству общеобразовательных развлечений // Известия Московской городской думы. 1898. Июнь. Ч. 1. С. 29–43; *Сумцов Н.Ф.* Организация общественных развлечений // Образование. 1898. Январь. № 1. С. 29–43.

⁷³ Цит. по: *Райков Б.Е.* Григорий Ефимович Щуровский: Ученый, натуралист и просветитель. М., 1965. С. 61; *Погожев А.В.* Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов в России. 1861–1886. М., 1887. С. VI. См. также: Известия о съезде естествоиспытателей в Киеве с 11-го по 18 июня 1861 года. Киев, 1861. С. VII.

⁷⁴ *Небольсин А.Г.* Об устройстве периодических выставок и съездов по техническому и профессиональному образованию // Труды съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России: Доклады на общих собраниях отделений. СПб., 1890. С. 3.

⁷⁵ См.: РГИА, ф. 91, оп. 1, д. 664 (1904–1905), л. 1–3. (Секретная сводка Департамента полиции для Главного управления Генерального Штаба об увеличении числа оппозиционно настроенных элементов среди членов Вольного экономического общества в связи с ростом революционного движения в 1904–1905 гг.).

⁷⁶ См.: *Bradley J.* The Politicization of Public Life: The Case of the Free Economic Society, 1890–1900 / Paper presented at the annual meeting of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Denver (November, 2000).

⁷⁷ ГА РФ, ф. 102, 4-е делопроизводство (1907), д. 133, л. 38–40 об. (Записка по Отделению охранения общественной безопасности и порядка в столице); Особый Отдел (1906, ч. 2), д. 194, ч. 2, л. 266. (Краткая характеристика революционной деятельности просветительных обществ.)

⁷⁸ *Tester K.* Civil Society. London; New York: Routledge, 1992. P. 1–2.

⁷⁹ *Сторожев В.* По поводу отчета Московской Комиссии домашнего чтения // Образование. 1897. № 3. С. 75. Современники отмечали, что сословная принадлежность членов общества при проведении собраний и других видов деятельности не имела значения. См., например: *Вздорнов Т.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи в XIX в. М., 1986. С. 140.

⁸⁰ Подобная риторика была общепринятой. Протоколы заседаний Комитета по устройству Политехнической выставки в 1872 г. дают один из многих примеров такого рода: *Богданов П., Беляев И.* О цели и характере политехнической выставки // Политехническая выставка: Протоколы заседаний. Вып. 1. М., 1869. С. 18–23; *Делла-Вос В.* По поводу политехнической выставки // Там же; Протокол частного собрания членов Комитета по устройству Политехнической выставки 17-го октября 1870 г. // Политехническая выставка: Протоколы заседаний. Вып. 2. М., 1871. С. 7–11; Московские ведомости. 1872. 1 октября. № 272. С. 1–2; Там же. 1872. 1 декабря. № 304. С. 3–4. То же видно и по газетам, освещающим заседания обществ. См., например, 2 газетных обзора о закрытии выставки и о заключительном докладе Комитета по устройству Политехнической выставки, представленном ОЛЕАЭ: Московские ведомости. 1872. 1 октября. № 272. С. 1–2; Там же. 1872. 1 декабря. № 304. С. 3–4.

⁸¹ О примерах такой посреднической деятельности см.: *Погожев А.В.* Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов. С. 142, 149, 151, 170, 171. См. также: *Bradley J.* Russia's Parliament of Public Opinion: Association, Assembly and the Autocracy, 1906–1914 // *Taranovski Th.* (ed.) Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1995. P. 212–236.